

УДК 329.17(556+56)

КУРДСКИЙ ВОПРОС И СИТУАЦИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

М. Б. Канапацкий,

*кандидат философских наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных
дисциплин БГПУ*

Поступила в редакцию 16.10.15.

В статье рассматривается курдская проблема. Она исследуется как внутривнутриполитическая, затрагивающая интересы конкретного государства, где проживает курдское меньшинство, и внешнеполитическая, оказывающая влияние на расстановку сил в регионе.

Ключевые слова: курдский вопрос, Ближний Восток, исламская цивилизация.

The Kurds problem is considered in this article. It is investigated in two directions: as a problem of home policy, touching interests of concrete state, where are living Kurds minority and as a problem of foreign policy, influencing on the powers position in the region.

Keyword: Kurd question, the Middle East, Islamic civilization.

Нынешний этап политического развития изобилует инициативами отдельных государств, цель которых – доминирование в мировой политике. Эта тенденция стимулирует нестабильность регионального и глобального развития. Региональное противостояние на Ближнем Востоке необходимо рассматривать в неразрывной связи с тенденциями в мировой политике. Исследование ближневосточной проблемы вынуждает исследователей, политиков выделять причины и источники нестабильности в развитии исламской цивилизации.

Проблема сложная, ее исследование возможно посредством системного, комплексного изучения различных факторов в неразрывной связи прошлого и настоящего. Важно осознать, что развитие восточного общества предполагает иное, отличное от западного исламское мировоззрение, которое на протяжении столетий являлось аккумулярующим фактором, детерминировало единство и сплоченность. Идея халифата, наличия символического центра исламского мира являлась катализатором исламской цивилизации, определяла место религии в обществе. Отмена халифата привела к дезориентации мусульманского мира. В Сирии и Палестине это событие спровоцировало всплеск национализма, в Северной Африке сформировалось движение мусульман-модернистов, которые считали халифат устаревшим, утратившим силу. В исламском

UDC 329.17(556+56)

KURD QUESTION AND THE SITUATION IN THE MIDDLE EAST

M. Kanapatskiy,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Chair of Social-Humanitarian
Disciplines of BSPU*

Received on 16.10.15.

вероучении возникает новый феномен противопоставления политики и религии. Популяризация национального суверенитета ознаменовала начало нового этапа турецкого и арабского национализма, противопоставления между нацией и уммой, эпохи противостояния ислама и светской мысли в арабском мире. Как следствие, диверсификация мировоззрения, этнокультурная мозаичность, нерешенность территориальных проблем, социальная нестабильность.

Турция на протяжении десятилетий после ликвидации халифата стремилась создать модель общества, сочетающего либеральные и национальные ценности, отрицающего традиции халифата. Турецкий национализм – это синтез османизма и пантюркизма и, как следствие, авторитаризм, неприятие прав и свобод национальных меньшинств. В Ираке и Сирии утвердились аналогичные модели с несколько иным идеологическим содержанием и направленностью. Стремление к ренессансу, возрождению халифата, желание стать центром исламского мира характерно для исламского общества, стимулирует межгосударственные противоречия, усиливает религиозную разобщенность.

Сирийский конфликт – это следствие противостояния, которое приобрело региональный масштаб, продолжение конфронтации на Ближнем Востоке и странах Магриба. Можно сказать, что это продолжение арабо-израильского конфликта, стремление заин-

тересованных политических сил расколоть страну, посеять анархию и нестабильность. На сопредельных территориях Сирии и Ирака образовалось террористическое государство, которое позиционирует себя как правопреемник халифата. Нерешенность национальных проблем усиливает конфликтное противостояние. Эти государства достаточно уязвимы с точки зрения внутреннего единства, стабильной политической системы. В свое время премьер-министр Израиля Г. Мейир признавала только два государства – Израиль и Египет, прочие же формально как «совокупность знамен и племен» [1]. Такой же позиции придерживаются США, полагая, что ближневосточные государства состоялись как следствие усилий западной дипломатии. Сложные социальные противоречия в таких обществах не следует рассматривать упрощенно, а в тесной взаимосвязи национальных культурных и религиозных проблем. Разная мировоззренческая направленность – следствие исторического развития культурной общности. На протяжении столетий происходила дифференциация исламского мировоззрения. Искусственное противопоставление суннитов и шиитов не имеет под собой принципиальной основы, противоречия нагнетаются политическими силами, заинтересованными в эскалации конфликта, углублении разногласий конфликтующих сторон.

Курдская проблема существует с середины XVII в. На территории сопредельных государств Турции, Ирана, Ирака Сирии проживает народ, не имеющий государственной автономии. Около 10 миллионов курдов проживает на обширной территории Восточной Анатолии, в провинциях Агры, Адьяман, Малатья и многих других, охватывающей 30 % турецкого государства.

Поражение Турции в Первой мировой войне и распад Османской империи способствовали подъему курдского национально-освободительного движения. Согласно Севрскому мирному договору 1920, оформившему раздел империи странами Антанты, курдам было предоставлено право на независимость. Но после победы в Турции национально-демократической революции план создания независимого курдского государства был сорван. Программа создания нового турецкого государства не предполагала уважительного отношения к национальным меньшинствам. Президент страны М. К. Ататюрк с момента начала своего правления занял шовинистическую позицию по отношению к национальным меньшинствам, и, как

следствие, идея реализации курдского суверенитета не состоялась. В 1934 г. Великое Национальное собрание приняло закон, согласно которому министр внутренних дел получил право изменять место жительства различных народностей страны в зависимости от того, насколько они адаптировались к турецкой культуре (иными словами, насколько были отуречены) [2]. В результате такой политики многие курды как неблагонадежные были переселены в другие районы страны. Открывая заседание меджлиса в 1936 г., М. К. Ататюрк отметил, что из всех проблем, стоящих перед страной, едва ли не самой важной является курдская проблема, и призвал «покончить с ней раз и навсегда» [3]. После двух лет репрессивных действий в отношении курдского населения министр внутренних дел Турции Д. Баяр заявил, что «подобная проблема в стране перестала существовать» [4].

Современное видение курдской проблемы несколько отличается от прежней политики и идеологии кемализма. Либеральная часть турецких политиков полагает, что за курдами следует признать все права на культурную самобытность, создать, например, институты, где могли бы вестись научные исследования курдского языка. Политики считают целесообразным направить финансовые и иные средства в некоторые юго-восточные вилайеты, где преобладает курдское население, и на их основе приступить к культурным и экономическим преобразованиям [5]. Данные меры должны осуществляться в сочетании с репрессивными, направленными против РПК. Другая часть турецкого общества уверена в том, что стабильность и спокойствие на юго-востоке будут достигнуты при условии, если в этот регион, где высок уровень безработицы и неграмотности, будут направлены материальные средства. Была разработана и предложена правительству программа «экономических действий» на юго-востоке, предусматривающая выделение значительных финансовых и материальных инвестиций в сельское хозяйство, строительство фабрик и заводов, объектов инфраструктуры и коммуникационных сетей.

По инициативе бывшего премьер-министра Т. Чиллер создан «Общенациональный фонд борьбы с сепаратизмом». Сформирована парламентская комиссия по изучению обстановки в юго-восточных провинциях республики для поиска кардинального решения проблемы. Правящая политическая партия ПСР и правительство продолжают последовательно проводить политический

курс, направленный на силовое решение курдской проблемы.

Последовательная политика конфронтации с курдским меньшинством оказала негативное влияние на определенную часть турецкого общества. Так, согласно опросу, проведенному турецкой газетой «Хюррейет», 65 % выразило негативное отношение к переговорам с РПК, а 22 % высказалось за политическое решение проблемы, и только 13 % опрошенных придерживаются силового сценария решения курдской проблемы [6].

Правящая политическая партия не готова проводить гибкую политику, обеспечивающую доминирование в регионе и стабильность внутри страны. В июне 1994 г. Конституционный суд Турции по обвинению в поддержке РПК и пропаганде идей сепаратизма запретил Демократическую партию. Отсутствие возможности участвовать в деятельности умеренно настроенных партий вынуждает сторонников курдского национального движения пополнить ряды РПК. Турецкое руководство не допускает ни мысли, ни возможности создания политических партий по этническому признаку, полагая, что подобные инициативы будут способствовать расколу турецкого государства. Идея борьбы с терроризмом предполагает использование военной силы, армии, которая сохраняет влияние в турецком обществе в решении национальной проблемы.

Рассматривая курдскую проблему как исключительно внутреннюю, турецкое руководство стремится заручиться поддержкой Запада, союзников по НАТО. США и их европейские союзники занимают двойственную позицию в решении курдского вопроса. Они обвиняют Турцию в несоблюдении прав человека и в то же время считают РПК террористической организацией, тем самым поддерживают силовые инициативы решения курдской проблемы. Отношения США и Анкары в последнее время не отличаются достаточной последовательностью. Некоторое охлаждение отношений обусловлено различием подходов в решении курдской проблемы. США пытаются выступать в роли активного игрока в решении курдской проблемы. Американская политика преследует цель оказания давления на Анкару посредством признания сирийских курдов как самостоятельной политической силы, ограничения возможности проводить самостоятельный, независимый курс в регионе. Россия предлагает подключить Демократическую партию, полномочного представителя сирийских курдов к переговорному процессу по Сирии. Как следствие, правительство Сирии провозгла-

сило автономию сирийских курдов. Активизация позиции России оказала существенное влияние на расстановку сил в регионе, усилила конфронтацию с Турцией и Саудовской Аравией, способствовала вовлечению Ирана в антитеррористическую коалицию. Турция и Иран активно вовлечены в конфликт. Иран и Турция стремятся избежать столкновения национальных интересов.

Крушение режима Саддама Хусейна в Ираке позволило США учредить автономию иракских курдов, создать федеративное государство. Иракская федерация стала ареной конфронтации политических сил и интересов. Военная операция 2003 г. спровоцировала сепаратизм в курдском национальном движении. Иракские курды фактически стали опорой по созданию временного правительства и выработке новой конституции, которая способствовала активизации общинного партикуляризма, изолированности в курдском ареале. В соответствии с основным законом Ирака, заложившим юридическую базу федеративного децентрализованного государства, идея реализации суверенитета обусловлена рядом факторов. Так, к примеру, взаимоотношения с Багдадом в части решения территориальных проблем, спорных территорий, особенно окрестностей Киркука, богатых углеводородами. Не сбалансированы вопросы распределения доходов от продажи нефти. Курдистан начал заключать контракты независимо от центра, заявив о себе как независимом экономическом субъекте, выстраивающем собственную политику. В 2011 г. с Курдистаном решил договориться крупнейший игрок нефтяного бизнеса Exxon Mobil, примеру которого последовал Chevron, купивший себе право участия в двух проектах около города Эрбиля. Багдад отреагировал незамедлительно и лишил эти компании контрактов в остальном Ираке, однако американцев это не остановило. Уже в 2012 г. о покупке доли в курдских проектах заявила Total SA. Иностранные нефтедобытчики были согласны потерять контракты в южной и центральной части страны ради позиций в Курдистане [7]. Связано это с тем, что в автономии благоприятный инвестиционный и налоговый режим, принято законодательство о природных ресурсах и предоставлены относительно безопасные условия для проживания иностранцев. Иностранные компании, а их уже около 50, закладывают основы экономического суверенитета Курдистана. Следующая проблема – взаимоотношения курдов-суннитов с арабо-шиитским большинством. В нынешней ситуации противостояния с ИГИЛ как но-

вой региональной силой идея независимости отделения от Багдада становится проблематичной. Руководство автономии понимает, что объявление независимости будет означать конфронтацию с различными национальными анклавами, за которыми стоят конкретные государства. Турция, несмотря на нерешенную курдскую проблему, поддерживает деловые контакты с Иракским Курдистаном. Взаимовыгодное деловое сотрудничество – гарант обеспечения энергетической безопасности и укрепления суверенитета Курдистана. Анкара последовательно придерживается курса обеспечения целостности Ирака, о чем неоднократно заявлял турецкий лидер. США выступают в роли главного арбитра, который манипулирует интересами различных сил, включая внешних игроков, отдельных стран.

Иран позиционирует себя как активного политического игрока. Как и Турция, сохраняет позиции лидера, особенно сейчас, когда после продолжительных переговоров были сняты санкции. Иранское руководство стремится не допустить распада Ирака, оказывает всестороннюю поддержку шиитскому большинству. Руководство Ирана понимает, что распад Ирака приведет к активизации иранских курдов и в конечном итоге к потере целостности Ирана. Нынешнее руководство Ирана стремится максимально ослабить курдскую проблему, стимулирует развитие провинций, где проживает курдское население. Серьезную угрозу безопасности Ирана представляют исламистские группировки. Действующая в Иране организация джихадистов Ансар аль-Ислам призвала иранских суннитов объединиться в джихаде против шиитского правительства, заявила, что все сунниты Ирана должны собраться под одним знаменем и начать джихад, чтобы заставить Иран стать одной нацией «Корана и меча». Шииты в Иране якобы заняты деньгами и властью и перестали представлять исламскую нацию. Джихадисты утверждают, что целью региональной по-

литики шиитского руководства является дискредитация «суннитского национализма». Главный арбитр в регионе США пытается использовать курдскую карту в противовес Ирану, стремится балансировать между неприязнью ИГИЛ и интересами иракских курдов. Политика «разделяй и властвуй» позволяет США обеспечивать равновесие сил Турции и сирийских курдов. Саудовская Аравия, Турция формально являются противниками ИГИЛ, но в то же время используют его с целью усиления влияния в регионе.

Израиль как один из ключевых региональных игроков поддерживает идею независимости Курдистана как противовеса исламскому государству.

Эскалация сирийского конфликта обусловила тесный контакт Сирии и России и противостояние с Турцией и Саудовской Аравией, странами, которые добиваются разделения Сирии, утверждения халифата. Дальнейшая интернализация конфликта усилит конфронтацию и может привести к возникновению новой геополитической реальности с соответствующим режимом границ. Возможно возникновение курдской автономии в пределах Турции, но не курдского государства, создать которое курды не готовы и не способны, да это не входит в планы США. Цель американской политики – создание политических противовесов, посредством которых можно доминировать в регионе. Иракский Курдистан – это реальная политическая сила под эгидой США, расширение влияния в курдских анклавах позволит «разделять и властвовать», сдерживать Россию и балансировать интересами временных союзников Турции и Саудовской Аравии. Важно и то, что Россия активно заявила о себе как потенциальной силе, без участия которой невозможно решать мировые проблемы. Новая геополитическая реальность на Ближнем Востоке – это реальное подтверждение многополярного мира.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Шахинлер, Ментер. Кемализм: зарождение, влияние / Ментер Шахинлер. – М., 1998. – 448 с.
2. Jalcin, S. Hangi Erbakan. – Ankara : Basakiinlari, 2004. – 320 s.
3. Ibid. – S. 112.
4. Ibid. – S. 114.
5. Ibid. – S. 115.
6. Huriyet. – 2007. – 20XII.
7. Иванов, С. М. Иракский Курдистан на современном этапе (1991–2011) / С. М. Иванов. – М. : ИМЭМО РАН, 2011. – 111 с.

REFERENCES

1. Shakhinler, Menter. Kemalizm: zarozhdeniye, vliyaniye / Menter Shakhinler. – M., 1998. – 448 s.
2. Jalcin, S. Hangi Erbakan. – Ankara : Basakiinlari, 2004. – 320 s.
3. Ibid. – S. 112.
4. Ibid. – S. 114.
5. Ibid. – S. 115.
6. Huriyet. – 2007. – 20XII.
7. Ivanov, S. M. Irakskiy Kurdistan na sovremennom etape (1991–2011) / S. M. Ivanov. – M. : IMEMO RAN, 2011. – 111 s.